

области в 1949 г. насчитывалось 15 детдомов с общей численностью воспитанников 1 826 человек [7, л. 13]. На территории Пинской области в 1947 г. действовало 13 детских домов (1035 воспитанников), Барановичской области в 1946 г. – 21 детский дом (2 325 воспитанников) [17, л. 24; 18, л. 25].

Решение проблемы детской беспризорности сопровождалось множеством трудностей и недостатков. Зачастую распоряжения оставались лишь на бумаге, а дети и после окончания войны долго не могли забыть о голоде и холоде. Но, несмотря на все тяготы послевоенного времени, эту проблему государство не обошло стороной.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 18.
3. ГАБО. – Фонд 1. Оп. 2. – Д. 213.
4. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 219.
5. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 291.
6. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 40.
7. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 5. – Д. 122.
8. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
9. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 57.
10. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 73.
11. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 105.
12. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 109.
13. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 110.
14. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 4. – Д. 122.
15. ГАБО. – Фонд р-783. – Оп. 1. – Д. 7.
16. ГАБО. – Фонд р-1096. – Оп. 1. – Д. 4.
17. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 2. – Д. 251.
18. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 4. – Д. 161.
19. ГАБО. – Фонд 7584. – Оп. 6. – Д. 614.
20. Дзіцячы прыёмнікі-размеркавальнікі // Народная асвета. – 1990. – № 8.
21. Дом на Тришинской 30 лет спустя // Вечерний Брест. – 1995. – 1 августа.
22. Смехович, Н.В. Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.В. Смехович. – Минск, 1992. – 182 с.
23. Усенародныя клопаты аб дзецях // Народная асвета. – 1964. – № 7.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕПАТРИАЦИИ НА БРЕСТЧИНЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пилипович В.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Репатриация – масштабное социально-политическое явление, с которым столкнулась Беларусь почти сразу после освобождения от немецких вооруженных сил. В течение 1944–1946 гг. через Беларусь прошли сотни тысяч репатриированных советских граждан, и более чем 200 тыс. временно или постоянно дислоцировались на территории Брестской области. Органам репатриации была запланирована большая работа по возвращению советских граждан, их политическому воспитанию, вместе с тем на местах, в результате разных причин, данная работа не была организована надлежащим образом. Проблема

представляется и в определении реального социально-правового состояния репатриантов в контексте того, что обещало им советское правительство. К тому же, некоторые исследователи отмечают, что ведомственные инструкции советских спецорганов не всегда соответствовали официальному законодательству и противоречили Конституции СССР 1936 г. [11, с. 16].

В течение 1944-1948 гг. руководством Советского Союза было принято 67 постановлений, которыми обеспечивались права репатриантов как граждан СССР [1, с. 273]. 23 октября 1946 г. в ответ на письма репатриантов газета "Известия" напечатала статью юриста Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации А. Слесарева "Права репатрированных советских граждан". В ней отмечалось, что советское правительство установило: граждане, которые возвратились на родину, снова получали все права советских граждан и должны были привлекаться к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни; на репатриантов, устроившихся на работу, целиком распространялась действующее законодательство о труде, все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий. То же самое относилось к лицам, занятым в сельском хозяйстве [1, с. 271].

В местных периодических изданиях каждый месяц должно было печататься определенное количество материалов по теме «Забота и внимание репатрированным», что постоянно контролировалось партией [5, л. 76]. Однако несмотря на принятые постановления о внимательном и чутком отношении к тем, кто возвращался из-за границы (остарбайтеров и военнопленных), они нарушались многими советскими гражданами и официальными лицами.

Так, например, 25 июля 1945 года во время санобработки репатриантов на сборно-пересыльном пункте (СПП) НКО №3, у находящихся в бани женщин были похищены документы, белье, одежда и другие вещи, сданные ими в дезинфекционную камеру. В результате, женщины под насмешками находящихся около бани мужчин были вынуждены выходить раздетыми на поиск своих вещей [4, л. 168]. Репатриантка С.М. (*фамилии репатриантов зашифрованы из этических соображений*) 1924 года рождения на допросе в ПФП НКВД показала: «Мы белье сдали в дезинфекцию, но по выходе из нее (бани) белья не оказалось... Совершенно голая, я пошла разыскивать свое белье, со мной было более 15 девушек, совершенно голых, которые также искали свою одежду, около нас было до 20 человек красноармейцев, которые смеялись над нами. Своего белья я не нашла и осталась совершенно голая. Благодаря девушкам, которые мне дали юбку и кофту, я сумела одеться...» [10, с. 256]. В то же время администрация лагеря этой ситуацией была обеспокоена меньше всего. Медсестра СПП №3 объясняла: «В отношении вещей, я видела их на улице, где репатрированные разыскивали свои вещи; кто был ответственным за сохранность белья и документов, я не знаю, и никто за этим не следил» [2, с. 258]. Ст. лейтенант Холдобин заявил репатриантам: «Мы вас освободили и можете идти». Справка по данной ситуации свидетельствует, что обнаженные девушки вынуждены были возвращаться из бани в свое помещение кто в чем – в халатах, трусах, рубашках. Данный случай свидетельствует о правовом и социальном положении, в котором оказались многие репатрианты на Родине. Пренебрежение и цинизм во многих ситуациях преобладали над здравым смыслом и правительственными постановлениями. Так, красноармеец службы ОБС Абрамов в присутствии представителя Белорусско-Литовского Военного округа майора Шебеко заявил, что «у репатриантов вещей много и ограбили не все, и им нетрудно добраться до дому, а там они найдут, во что одеться» [2, с. 259].

Необходимо отметить, что в ряде случаев виновных в бездушном и издевательском отношении к репатриантам карали. Например, на коменданта СПП №3 майора 194

Болтвина и ст. лейтенанта Холдобина были наложены дисциплинарные взыскания, а зам. коменданта по политчасти майор Бравый от занимаемой должности отстранен и привлечен к партийной ответственности за бездеятельность и пьянство. Однако очевидно, что часто в оскорблениях и грабежах репатриантов участвовали те, кому была поручена их охрана. 1 ноября 1945 года в поезде с репатриантами №51538, следовавшем из г. Магдебурга в г. Брест, у Я.Н. был похищен чемодан с личными вещами и фильтрационными документами военнослужащими, старшиной и сержантом, которые при этом угрожали оружием [9, л. 1]. В таких условиях многие репатрианты, не будучи идеологическими противниками советской власти, начинали высказывать недовольства, которые спецслужбами квалифицировались как враждебные по отношению к советскому строю.

На областные и районные комиссии по репатриации возлагалось решение жилищных и хозяйственно-бытовых вопросов возвращающихся граждан. Они обязаны были оказывать помощь в расселении, приобретении либо постройке жилья, хозяйственном устройстве и устройстве на работу. В случае необходимости семье либо отдельным гражданам могла выделяться финансовая помощь. В сентябре 1945 года была проведена проверка состояния работы по репатриации в Березовском, Пружанском и Шерешевском районах. Ее результаты показали, что райкомы КП(б)Б и райисполкомы должного внимания гражданам своего района, возвратившимся из Германии, не уделяли и трудоустройством репатрируемых граждан занимались недостаточно. Однако остро нуждающимся репатриантам оказывалась большая помощь сельсоветами. Так, например, по Березовскому району была оказана помощь: в д. Угляны вернувшейся из немецкого рабства семье П.Ф. предоставлен дом с холодными постройками и 1,4 гектара посевов, Т.О. с двумя детьми получила дом с холодными постройками и землю с посевами и т.д. [7, л. 18]. В Пружанском районе – репатриантка С.Н. из д. Замостье Рудницкого сельсовета получила помощь семенами, 3 центнера картофеля, 90 килограммов овса, 40 килограммов гречихи. Райкомы КП(б)Б и райисполкомы не были информированы о работе, которая проводилась на местах, и сами такую работу не проводили. Представители райисполкомов ограничивались лишь короткой беседой при регистрации прибывшего, заполняя на него анкету. Не налажен был учет и регистрация репатриантов [8, с. 3–4]. В Кобрине и Кобринском районе к ноябрю 1946 года находилось около 900 репатрированных советских граждан, но никаких сведений о трудоустройстве этой группы населения в райкоме КП(б)Б не было, соответственно никакой работы с ними не проводилось [3, с. 499–500].

Проблема трудоустройства была актуальной для многих репатриантов, осевших в Брестской области либо прошедших через нее, однако в разной мере. Некоторые не могли найти работу, другие же не могли избавиться от такой «заботы» государства. Руководство республики и области в первую очередь волновало восстановление разрушенного хозяйства и инфраструктуры, а репатрианты являлись той резервной силой, которую можно было использовать в случае необходимости, чтобы они самоотверженным трудом доказали преданность Родине [9, л. 79].

Уже с 1946 года в отдел репатриации стали поступать письма от репатриантов, с просьбой прояснить ситуацию, могут ли они возвратиться домой к своим семьям [9, а. 33–39]. Так, например, по заявлению репатрированных Т.В. и Ц.И. было установлено, что в воинской части 277 существовал отдельный рабочий батальон, который дислоцировался в районе города Бреста, в Северном городке. В нем насчитывалось 114 человек репатрированных советских граждан СССР возрастом от 1900 до 1928 годов рождения, которые находились в своем обмундировании больше пяти месяцев. Зарплату получали очень низкую, а некоторые вообще не получали. С них высчитывали

за питание, однако вместо положенной нормы хлеба 450 граммов выдавали 300 граммов. Репатрированных содержали в лагере за проволокой, никуда не выпускали, чтобы они не разбежались. Таких свидетельств немало. В подсобном хозяйстве воинской части № 28906, расположенном в селе Мокраны Малоритского района Брестской области, содержались, как рабочая сила, около 200 человек мужского и женского персонала из репатриантов [3, с. 493–494]. В военном городке Слободка Пружанского района в ведении воинской части №34029 находился 64-й авторемонтный завод, где работало 230 человек репатриантов, которых не отпускали домой [9, л. 79]. Такая же ситуация была в г. Ивацевичи на лесозаводе №1. Под прошением репатриантов из этого завода стоит семьдесят подписей [10, л. 93].

Достаточно громким было дело репатриантов, работающих на Брестской перепалочной базе Наркомстроя (НКС) СССР. Там было задействовано около 300 репатрированных, из них 180 женщин, которых представители базы вывезли как репатриантов из Германии и насильно задержали, включив их в свой рабочий батальон. Их положение было более чем тяжелым. Некоторые больше месяца не были в бане, так как не имели белья. Больные без врачебной помощи находились по нескольку недель. Работницы одеждой и обувью не снабжались, и вынуждены были ходить в ноябре месяце на работу в летней одежде. Около 60 человек вообще не выходили на работу в связи с неизменением необходимой одежды. Питанием были обеспечены крайне плохо, что вынуждало их продавать те немногие имеющиеся вещи, чтобы не умереть с голода. Обслуживающий и караульный состав допускал по отношению к работающим женщинам произвол, избиения, оскорбления, насилие. В обращении с репатрированными женщинами был установлен термин «немецкие подстилки». Вот как характеризует отношения одна из работниц базы, О.П.: «Я проработала на базе 4 месяца. Работали мы честно, добросовестно, а отношение к нам очень грубое. Питания почти нет. Начальник базы полковник Медков заставлял нас продавать свои собственные вещи на питание, что мы и делали... В выходные дни нас никуда не пускают, при этом собираются военнотружущие, которые пристают к девушкам. М.П. была изнасилована на глазах всех репатриантов» [6, л. 43-60].

Такое обращение не способствовало формированию положительного образа советского общества среди репатриантов, несмотря на то, что в своем большинстве они не были настроены изначально оппозиционно. Ситуация не способствовала включению вернувшихся из немецкой неволи в активную жизнь общества, поскольку постоянно подчеркивался бесправный статус. Некоторые не выдерживали, предпочитая смерть такой жизни. Так, на одном из документов, свидетельствующих о такой жизни репатриантов, стоит пометка: «Г ражданка В.Е. повесилась» [3, с. 494].

К репатриантам проявлялось недоверие со стороны местных властей. Многие репатрианты не могли устроиться на работу, несмотря на то, что по способностям превосходили конкурентов. Формально репатрианты обладали всеми правами советских граждан, даже более того имели право на льготные ссуды на постройку домов. Однако в реальности большинство данных прав не соблюдалось, и репатрианты становились жертвами административного произвола. Судьбы целого ряда людей, прошедших принудительные работы в рейхе, были искалечены уже на родине.

Население также не было подготовлено к принятию возвращающихся, что усложняло для последних процесс адаптации. Проводимая политическая и воспитательная работа была направлена в большей мере на обработку репатриантов в духе советской идеологии, чем на реабилитацию после нескольких лет подневольного труда.

Таким образом, процесс репатриации в Брестской области принял масштабный характер в силу большого количества репатрированных, однако далеко не все стороны этого процесса были одинаково хорошо организованы, что привело к ряду трудностей, которые коснулись как глобальных вопросов в рамках государства, так и индивидуальных, в пределах семьи и конкретной личности.

Список цитированных источников и литературы

1. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.Д. Селеменев; под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2001. – 336 с.
2. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941-1944): Документы и материалы: в 2 кн. / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко [и др.] – Минск: НАРБ, 1996. – Кн.1 (1941-1942) – 304 с.
3. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941-1944): Документы и материалы: в 2 кн. / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 1996. – Кн.1 (1941-1942). – 304 с.
4. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 18.
5. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 193.
6. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 26.
7. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 65.
8. ГАБО. – Фонд 4-П. – Оп. 1. – Д. 38.
9. ГАБО. – Фонд 815. – Оп. 2. – Д. 36.
10. ГАБО. – Фонд 815. – Оп. 2. – Д. 4.
11. Гребенщикова, И.В. Организационно-правовые основы осуществления репатриации в СССР : автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук : 12.00.01 / И. В. Гребенщикова; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 32 с.

ЛЕНД-ЛИЗ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСАФРИКАНСКОГО МАРШРУТА ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЙ В 1941–1945 гг.

Посохина Г.И.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Коалиция держав, сражавшихся в годы Второй мировой войны против Германии, Италии и Японии, сложилась в 1941–1942 гг. Она объединила США, Великобританию, СССР, Китай и ряд других государств. Каждый участник этого союза, опираясь на разные традиции, политику, интересы, географию, ресурсы, оценивал войну через призму собственных интересов. Вполне закономерно, что военным операциям в континентальной Европе, в бассейне Средиземного моря и на Тихом океане посвящено наибольшее количество специальных работ. Об истории военных действий на Африканском континенте, особенно в Африке южнее Сахары, написано гораздо меньше. Однако следует отметить, что при всем тактическом и стратегическом значении североафриканского театра военных действий в 1940–1943 гг. Африка и после прекращения крупномасштабных наземных операций в ее северной части продолжала вносить значительный вклад своими ресурсами, людскими и материальными, в победу Объединенных наций. Через африканский континент прибывали и возвращались американские участники важнейших встреч «большой тройки» – Тегеранской и Ялтинской – во главе с Рузвельтом. В африканских городах Касабланке и Каире отработывалась стратегия боевого взаимодействия союзных держав, генеральных штабов и войск Объединенных наций на ближайшую и более отдаленную перспективу. Во встречах участвовали Рузвельт, Черчилль, руководители британских дивизионов, а также де Голль, Чан Кайши. На такие встречи союзников на африканской земле приглашались Сталин и Молотов [1, с. 12].

В 1941–1942 гг. Африке отводилось важное место на встречах в верхах. Но в 1943–1945 гг., когда на африканском континенте уже не было войск «стран оси», роль Африки в глобальной стратегии оставалась предметом дискуссий на Каирской, Тегеранской и Ялтинской конференциях.